

тить, насколько тонко и корректно Дубровская обращается с бахтинским материалом, сохраняя при этом собственную исследовательскую индивидуальность, не только дополняя наблюдения Бахтина, но и заметно расширяя число примеров гоголевского смехового слова.

Среди несомненных удач монографии — фрагмент, посвященный смеховому слову в литературной критике. В предложенной интерпретации и Надеждин, и Белинский предстают использующими свой комический талант почти по-писательски. И это результат как отсутствия окончательно закрепленных конвенций, требующих от критика «судить не выше сапога», так и явное свидетельство внутренней литературной свободы, которая в равной степени была присуща им обоим. Не менее интересен и предпринятый Дубровской анализ «Юнкерских поэм» Лермонтова. Здесь исследовательнице предстояло решить непростую задачу сохранения баланса между комичностью и неконвенциональностью строк поэта, которую она решает достаточно убедительно. Хотя выбранные ею примеры иллюстративны, они удовлетворяют самого строгого пуриста. «При абсолютно смеховой атмосфере, созданной в „Юнкерских поэмах“, — справедливо ука-

зывает Дубровская, — необходимо отметить некоторую „приватность“ площадного слова, совмещение с трагедийными элементами («Уланша»), переплетение с лирикой («Госпиталь») и сатирой («Петергофский праздник»» (с. 162).

Пожалуй, позицию автора усилило бы большее внимание к европейской комической традиции и тому, как смеховое слово французской легкой поэзии, позднего немецкого Просвещения и романтизма откликается в творчестве Пушкина, Вяземского или Гоголя. Впрочем, этот сюжет в контексте бахтинской концепции смехового слова заслуживает, на наш взгляд, специального разговора. Вне всякого сомнения удавшаяся книга заметно дополняет традиционную картину отечественной словесности первой трети XIX века, а предложенные в ней модели и механизмы анализа смехового слова могут оказаться вполне продуктивны и при рассмотрении комического дискурса последующих поколений русских писателей (от Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова до А. Г. Битова, Вен. Ерофеева и В. О. Пелевина), и при аналогичном исследовании литературы зарубежной (от Ч. Диккенса и Г. Флобера до Н. Мейлера, Г. Грасса и Т. Моррисона).

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-215-216

© В. П. Киржаева, © О. Е. Осовский

«В НАШЕЙ БОЕВОЙ И НАПРЯЖЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ...»: ДВУХТОМНИК П. Н. МЕДВЕДЕВА КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ*

Рецензируемое издание без преувеличения событие для отечественной истории литературоведения и литературной критики. Заметная фигура ленинградской культурной и общественной жизни 1920–1930-х годов, публикатор и исследователь наследия А. Блока, популярный литературный критик, влиятельный издательский работник Павел Николаевич Медведев (1891/1892–1938) после трагической гибели в 1938 году и почти 20-летнего «запрета на имя» оставался на периферии истории отечественной науки и культуры. Возвращение его оказалось связано с пребыванием в «круге М. М. Бахтина», что наложило свой отпечаток на восприятие его личности и трудов: Медведев невольно оказался в тени друга.¹

* Медведев П. Н. Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Изд-во «Росток», 2018. Т. 1: История литературы. 848 с.; Т. 2: Поэтика и психология творчества. 928 с.

¹ См.: Кожин В., Конкин С. Михаил Михайлович Бахтин. Краткий очерк жизни и твор-

«Первое, наиболее полное собрание избранных трудов литературоведа и критика» (т. 1, с. 678) позволяет объективно оценить меру его таланта и роль в литературном процессе своего времени. Составители проделали гигантскую работу по выявлению и подготовке к публикации ранних текстов ученого, наиболее репрезентативных образцов его зрелого творчества и сопутствующих материалов (писем писателей, конспектов лекций, фотографий и документов). Важнейшей особенностью рецензируемого издания является участие в его подготовке Юрия Павловича Медведева (1937–2013), исследователя и пропагандиста наследия отца, автора вступительных статей к обоим томам, что во многом определяет историко-мемориальный характер издания и осложняет его рецензирование.²

чества // Проблемы поэтики и истории литературы: Сб. статей. Саранск, 1973. С. 6.

² Именно поэтому авторы рецензии осознанно отказываются от оценки позиции состав-

В составе двухтомника литературная критика 1910–1930-х годов, статьи и труды о современной русской литературе, прежде всего, о творчестве А. Блока, книги «Формальный метод в литературоведении», «В лаборатории писателя», «Формализм и формалисты», мемуарные зарисовки; первый том включает работы историко-литературного характера, второй — труды по «поэтике и психологии творчества». Публикуемые материалы наглядно иллюстрируют творческий путь Медведева, постепенно превращающегося из юного автора почти маргинальных петербургских изданий в одного из создателей «Витебского ренессанса» (А. Шатских), авторитетнейшего члена Всероссийского союза писателей, маститого автора «Звезды», «Красной нови» и «Октября», профессора ленинградских вузов и даже литературного персонажа.³

Вот 19-летний студент-юрист примеряет маску мэтра литературной критики: он снисходительно оценивает качество переводов Ф. Ницше и П. Синьяка; решительно высказывается в годовщину смерти Л. Н. Толстого от лица «„молодежи“, принявшей жизнь в осенние будни 80–90 годов», тех, кто «юношами (гимназисту Медведеву было в это время 12 лет. — В. К., О. О.) хоронили Чехова и Михайловского» (т. 1, с. 84). Очевидная добролюбовско-писаревская «подложка» его критики в сочетании с «золотыми очками Михайловского» (т. 1, с. 255) и эзесисами символистов образуют причудливую смесь, не лишенную, однако, юношеского обаяния. Тогда у Медведева и возникают трепетная привязанность к лирике А. Блока и интерес к философской и искусствоведческой проблематике. При этом вторичность философско-эстетических оценок компенсируется литературно-критическим остроумием. Так, явно утомившись пересказом труда Синьяка о художественной сущности неоимпрессионизма и технической стороне метода, автор обрывает рецензию хлесткой фразой: «...без всякого сомнения, художник обязан знать законы своего материала. Но все это <...> нижний план творческого колдовства. Выше и выше — та толстовская „изюминка“, которой не было в жизни Протасова, тот вихрь индивидуального воскрылия, хмельного по-

рыва к небу, которым благословенно всякое великое и настоящее художество...» (т. 1, с. 104). Возрастающий профессионализм Медведева отражается в лаконизме характеристики: «Рассказ Ф. Сологуба „Звериный быт“ отдает анекдотом, вымученностью» (т. 1, с. 100).

Стремительная перемена в общественной и социальной жизни накладывают на Медведева-критика свой отпечаток, его литературно-критическая манера пропитывается социологизмом и отчетливым желанием поменять статус «попутчика»: «Живая жизнь деревни, испытания ее войной и революцией проходят мимо Есенина. Он просмотрел рождение в результате этих испытаний новой, советской деревни» (т. 1, с. 280). В 1932 году, после рапповской проработки, в покаянном выступлении он пообещает перестроиться окончательно: «...выход из этого положения может быть только один. Выход — в полном идейном перевооружении и коренной внутренней перестройке на основе упорной работы по овладению марксистско-ленинским мировоззрением и материалистической диалектикой» (т. 2, с. 585). Дальнейшая эволюция Медведева, увы, типична: долгий спор с «формалистами» заканчивается книгой «Формализм и формалисты», где риторика научной полемики сменяется идеологическим разоблачением. Примечательно, что ни одной работы, созданной после 1934 года, в двухтомнике нет.

В целом рецензируемому изданию — при всей его очевидной ценности — недостает внимания издательского редактора, что избавило бы вступительные статьи от ненужных повторов, а комментарии — от неточностей и ошибок. Ограничимся указанием на дважды воспроизведенную справку о Г. Когене (т. 2, с. 781, 798) или появлении фамилии Вангейм — вместо Вагенгейм — в качестве настоящей фамилии К. К. Вагинова (т. 2, с. 871). Не слыхом очевидна и целесообразность включения в комментарии таких понятий, как социология, идеализм, позитивизм (т. 2, с. 778), или указания на количество переизданий перевода Ю. М. Антоновского (т. 1, с. 684). Но при этом не объясняются основания, по которым «Формализм и формалисты» оказались не в основном корпусе текстов, а в Приложении, равно как и причины появления в финале «Формализма...» имен «неудавшегося русского Гофмана — В. Каверина, и декадента-классика К. Вагинова, и хлебниковского эпигона Н. Заболоцкого» (т. 2, с. 775).

Впрочем, ни недочеты комментариев, ни отсутствие ряда значимых текстов (в частности, очерков о Демьяне Бедном и Борисе Лавреневе) не снижают ценности рецензируемого издания. Оно не только позволяет в полной мере представить и оценить масштаб личности П. Н. Медведева, но и заметно дополняет для сегодняшнего читателя картину литературной жизни России 1910–1930-х годов.

вителей по вопросу так называемых «спорных текстов» (подробнее см.: Николаев Н. И. Издание наследия Бахтина как филологическая проблема (Две рецензии) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 3. С. 114–115; Осовский О. Е., Киржаева В. П. «...Мне, так сказать, приписывают...»: «спорные тексты» в бахтиноведении конца 1980-х — 1990-х // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 156–168).

³ См.: Николаев Н. И. Тепелкин и другие в романе Конст. Вагинова «Козлиная песнь» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 233–267.